М 84/293

С. И. Чирьевъ,
Заслуженный Профессоръ русскаго Университета.

М 84/293

НАШЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ

въ

отношеніи къ среднему и высшему образованію.

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕИ БИБЛІОТЕКА

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1910.

Ни одно произведеніе, вышедшее у насъ, въ Россіи, за послѣдніе 15—20 лѣтъ, не производило на меня такое сильное, неизгладимое впечатлѣніе, какъ «Наше Преступленіе» Родіонова,--и именно своею безискуственностью, правдивостью. Да, совершенно вѣрно, въ этомъ озвѣреніи деревни мы всѣ виноваты, мы всѣ должны нести отвѣтъ передъ потомствомъ. Мы оставили нашъ народъ безъ малѣйшаго образованія, а тѣмъ болѣе воспитанія,—оставили совершенно дикимъ, безграмотнымъ, выколачивая только изъ него подати, и что же тутъ удивительнаго, что этотъ полудикій народъ, несдерживаемый никакими религіозными и нравственными принципами, которыхъ мы не привили къ нему, безъ просыпа пьянствуетъ, озорничаетъ, грабитъ по большимъ и малымъ дорогамъ и устраиваетъ всякія безобразія: иллюминаціи, погромы и т. п.

Да, это наша общая вина, наше преступленіе...

Посмотримъ теперь: хорошо ли мы, по крайней мѣрѣ, организовали наше среднее и высшее образованіе? Посмотримъ, что мы сдѣлали въ этомъ отношеніи за послѣдніе 50, 100 лѣтъ?

Мы дѣйствовали въ этомъ отношеніи крайне несамостоятельно, руководствуясь во всемъ уже готовыми примѣрами запада. Настроили много школъ, гимназій, техническихъ институтовъ, нѣсколько университетовъ, съ одной стороны, съ другой—учредили разныя привилегированныя заведенія: Александровскій лицей, пажескій корпусъ, школу правоведенія и т. д., и, чтобы привлечь населеніе къ образованію, снабдили ихъ извѣстными ранговыми преимуществами при поступленіи на государственную службу. Хотя всѣ эти заведенія были казенныя, т. е. содержались на народныя деньги, воспитанникамъ привилегированныхъ заведеній отдавалось, однако, преимущество при принятіи на службу. Верхи Правительства заполнялись, по преимуществу, людьми, окончившими привилегированныя заведенія, и практика, дѣйствительно, показала, что эти люди, несмотря на меньшій объемъ первоначальныхъ знаній, оказывались часто дѣйствительно государственными людьми, а главное хорошо были воспитаны.

Только за послѣднія два царствованія открытъ доступъ въ Государственный Совѣтъ и для университетскихъ питомцевъ.

Люди, воспитанные въ привилегированныхъ заведеніяхъ на образцахъ, по преимуществу, западныхъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, обла-

дали однимъ крупнымъ недостаткомъ: они были далеки отъ сермяжной Россіи, они не знали ее, а между тѣмъ они-то собственно и составляли Правительство. Такимъ образомъ создалось петербургское правительство, состоявшее изъ совершенно чуждыхъ народу людей, которые не замедлили стать средостѣніемъ между Царемъ и народомъ, затѣмняя Царю многое изъ совершающагося въ странѣ.

Лучшіе профессора и воспитанники университетовъ понимали это, видѣли всю опасность такого положенія дѣлъ и указывали на это. Но петербургскіе управители изъ привилегированныхъ училищъ посмотрѣли на это неблагосклонно, скрыли истинное положеніе вещей отъ Царя и объяснили все неблагонадежностью профессоровъ. Графъ Д. Толстой, или, собственно, московскій проф. Леонтьевъ, эту „распущенность“ университетовъ думалъ уничтожить, значительно усиливъ преподаваніе классическихъ наукъ въ гимназіяхъ. Для этого было приглашено много преподавателей древнихъ языковъ изъ за границы, по преимуществу изъ чеховъ, русиновъ и нѣмцевъ, а русскій языкъ былъ совершенно отодвинутъ на задній планъ; введены также восьмой классъ и зрѣлость.

Образованіе въ среднихъ и высшихъ школахъ раскололось на двоякое: классическое и реальное, и, тогда какъ въ министерствѣ на-

роднаго просвѣщенія утверждали, что вполнѣ зрѣлое образованіе только и достигается путемъ строгаго классическаго воспитанія, тутъ же рядомъ—и тѣмъ же министерствомъ!—были устроены реальныя училища, которыя доставляли контингентъ для высшаго реальнаго, неклассическаго образованія. Мало того, въ Россіи существовалъ цѣлый классъ людей военные, которые воспитывались совершенно безъ древнихъ языковъ; а между тѣмъ имъ также былъ открытъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, и многіе изъ нихъ оказывались совершенно на высотѣ своего призванія.

Но система классическаго образованія была признана въ министерствѣ народнаго просвѣщенія все-таки единственной вѣрной и свирѣпствовала тамъ.

Между тѣмъ населеніе Россійской Имперіи все росло и росло. Число гимназій, училищъ, институтовъ и университетовъ далеко уже не удовлетворяло потребностямъ населенія. Такъ какъ профессіональныхъ школъ не было никакихъ, то молодежь устремлялась въ институты и университеты, окончаніе которыхъ доставляло аспиранту извѣстный рангъ, ставило его на извѣстную ступень правительственной лѣстницы—дѣлало его «человѣкомъ».

Большой наплывъ желающихъ поступить въ гимназіи, при ограниченномъ числѣ этихъ заведеній, сразу повліялъ на систему воспитанія. Появились классы въ 50, 60 и болѣе человѣкъ. Мало того, и такія школы еще не вмѣщали всѣхъ желающихъ. Потребовалось открытіе параллельныхъ классовъ, увеличеніе числа гимназій и реальныхъ училищъ. Разъ было нарушено соотвѣтствіе между числомъ воспитанниковъ въ классѣ и средствами одного преподавателя, это крайне пагубно отозвалось на результатахъ преподаванія: преподаватель уже лишенъ былъ возможности слѣдить за успѣхами каждаго воспитанника въ классѣ. Преподаваніе также все болѣе и болѣе ограничивалось. Учителю уже было не до преподаванія: урокъ прямо задавался по книжкѣ отъ сихъ и до сихъ поръ, и онъ едва успѣвалъ переспросить воспитанниковъ. Такимъ образомъ вся дѣятельность учителя сводилась исключительно къ самому бѣглому и часто несправедливому контролю знаній воспитанника. О преподаваніи же предмета уже не могло быть и рѣчи.

Недостаточность школъ министерства народнаго просвѣщенія повлекла за собою увеличеніе школъ другихъ вѣдомства и развитіе частныхъ школъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, только повысивъ плату съ приходящихъ воспитанниковъ до 250—300 руб. въ годъ, могли,

наконецъ, поставить преподаваніе на должную высоту. Но, конечно, такая высокая плата была непосильна большинству дѣтей.

И такъ, громадный наплывъ воспитанниковъ, съ одной стороны, съ другой—сравнительно ничтожныя воспитательныя средства, которыя могло предложить министерство народ. просв., повело къ значительному ухудшенію гимназическаго преподованія. Гимназіи уже перестали обучать—онѣ превратились въ простые контрольные аппараты, которые, для освобожденія гимназій отъ чрезмѣрнаго числа воспитанниковъ, безжалостно рѣзали ихъ на экзаменахъ, при чемъ масса способныхъ дѣтей выбрасывалась изъ гимназіи. Такъ какъ, параллельно съ этимъ, ухудшались занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то это не могло, въ свою очередь не отразиться и на качествѣ преподавателей среднихъ школъ. Появились преподаватели этихъ послѣднихъ, которые смотрѣли на свои обязанности въ школѣ не съ педагогической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія большей денежной наживы. Начали заводить свои частные пансіоны для воспитанниковъ и за извѣстную плату переводили своихъ пансіонеровъ изъ класса въ классъ, немилосердно ставя другимъ воспитанникамъ единицы и тѣмъ способствуя расчищенію школы и освобожденію мѣстъ для воспитанниковъ, приносящихъ имъ доходъ.

Мѣста директоровъ и инспекторовъ гимназій и училищъ пріобрѣтали, благодаря сознательному или безсознательному пособію гг. попечителей, лица, вполнѣ недостойныя и даже компроментированныя.

Выгнанные изъ гимназій юноши увеличивали собою, кадры недовольныхъ и причину своихъ несчастій переносили на министерство народнаго просвѣщенія—тѣмъ болѣе, что способствующіе ихъ изгнанію изъ школъ господа все объясняли требованіями министерства; а въ результатѣ: крайнѣ неудовлетворительная подготовка воспитанниковъ къ высшимъ школамъ и масса изгнанной молодежи! Эта послѣдняя, озлобившись противъ министерства за всѣ испытанныя ею несправедливости въ средней школѣ, теперь жадно читала копеечныя газеты и брошюрки, внимательно прислушивалась къ противоправительственной пропагандѣ ловкихъ людей и такимъ образомъ подготовляла себя для занятія революціонными дѣлами. Лучшіе и болѣе способные изъ уцѣлѣвшихъ въ школахъ воспитанниковъ, въ большинствѣ случаевъ дѣти недостаточныхъ родителей, съ 4-го или 5-го класса гимназій дѣлались репетиторами своихъ младшихъ товарищей и являлись въ высшее заведеніе уже крайне переутомленными, неврастениками, и—благо въ университетѣ можно было ничего не дѣлать!—отдыхали; или,

по установившейся привычкѣ и увеличившейся дороговизнѣ жизни, они продолжали заниматься репетиторствомъ, набирали массу посторонней работы, и даже скоро уѣзжали изъ того города, въ которомъ находились ихъ высшія учебныя заведенія...

Такимъ образомъ создалось положеніе средняго образованія дѣйствительно невозможное!

Что же мы, гг. родители, дѣлали? Писали ли мы объ этомъ во всеуслышаніе? Скажутъ: да объ этомъ и писать невозможно было, потому что прихлопнулъ бы варварскій режимъ...

Позвольте съ этимъ не согласится: мы и не пробовали объ этомъ дѣлѣ серьезно писать! Развѣ эти смѣхотворные родительскіе комитеты, забывая пока всю разноколиберность ихъ состава, есть дѣйствительное средство противъ зла? Мы много ругались за глаза, много нервничали, а ничего путнаго не дѣлали! Самое большое—мы писали въ разной копеечной литературѣ, въ которой главнымъ образомъ всячески поносилось Правительство. Ну, конечно, при такомъ характерѣ протеста весьма естественно, что и Правительство становилось на дыбы...

Теперь слѣдуютъ высшія учебныя учрежденія.

Высшія, какъ и среднія учебныя заведенія, находились въ вѣдомствѣ различныхъ министерствъ. И замѣчательно, что касается подготовки юношей, то тутъ было допущено поразительное разнообразіе! Тогда какъ въ однихъ заведеніяхъ, въ университетахъ, для полнаго созрѣванія юношей требовалась восьмилѣтняя, строго-классическая подготовка, идущая даже въ ущербъ знанію родного языка и физическихъ наукъ; въ другихъ, въ привилег. школахъ, за исключеніемъ одного, признавалась совершенно достаточною подготовка съ однимъ латинскимъ, причемъ знакомство съ этимъ послѣднимъ требовалось лишь на столько, чтобы воспитанникъ могъ прочесть какую-нибудь важную для него латинскую книгу; наконецъ, въ третьихъ—и, въ томъ числѣ, въ военныхъ высшихъ школахъ,—признавалось совершенно достаточнымъ семилѣтнее реальное подготовительное образованіе.

И вотъ, по окончаніи всѣхъ этихъ школъ пріобрѣтались почти равныя, соединенныя съ табелемъ о рангахъ права. Но правительство, однако, какъ мы уже сказали, предпочитало брать своихъ агентовъ, все-таки изъ привилегированныхъ училищъ—уже по одному тому, что эти молодые люди оказывались болѣе воспитанными и знали новые языки, безъ которыхъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ невозможно было и шагу ступить.

Весьма естественно, что родители слѣдили за этой политикой правительства и потому, несмотря на извѣстныя дефекты въ образованіи привилег. училищъ, посылали молодежь прежде всего въ эти училища. Затѣмъ уже переполнялись также и всѣ техническіе институты, хотя пріемъ въ нихъ былъ также ограниченъ. Наконецъ, если не удавалось поступить ни въ тѣ, ни въ другія, то молодежь уже поступала въ университеты—благо въ эти послѣдніе принимали неограниченное число! Замѣчательно, что единственныя заведенія, въ которыхъ число слушателей было неограничено, посѣщеніе лекцій необязательно, свобода для различныхъ сходокъ полная—это были университеты!...

Уставъ 1884 года, совершенно доканалъ наши университеты...

Прежде всего онъ значительно увеличилъ число каѳедръ, такъ что студенту, который, всетаки, молодой человѣкъ желаетъ имѣть отдыхъ и время для развлеченій, записавшемуся на всѣ лекціи, приходилось посѣщать лекціи и практическія занятія не только до обѣда, но и послѣ... Въ результатѣ онъ не успѣвалъ быть на всѣхъ лекціяхъ, утомлялся и, въ концѣ концовъ, переставалъ посѣщать даже главныя...

Далѣе, былъ взятъ примѣръ съ Германіи: введена система гонораровъ и параллельныхъ курсовъ, предполагая, что, если и попадается

неудачный профессоръ, то способный приватъ-доцентъ параллельнымъ курсомъ совершенно убьетъ его. Такъ предполагалось! Но, увы! на дѣлѣ вышло совершенно иное! „Всякій предметъ университетскаго образованія“, писалъ я еще 14 лѣтъ тому назадъ въ моихъ „Проектахъ преобразованія нашихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ учрежденій“, „могъ читать любой профессоръ или приватъ-доцентъ, которымъ можетъ быть по уставу 1884 года всякій... даже съ улицы, лишь бы онъ имѣлъ одну изъ ученыхъ степеней: доктора или магистра. Всѣ они имѣютъ одинаковое право засчитывать семестры, получать вознагражденіе, и обязаны читать въ одни и тѣже часы—слѣдовательно являются, дѣйствительно, состязающимися лицами!—параллельные курсы. Спрашивается: какой критерій дается студенту, еще совершенно незнакомому съ предметомъ, для выбора между предлагающими лекціи? Ровно никакого, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, руководствоваться одной программой. Кто-же нынче не съумѣетъ выписать самой хлесткой программы изъ какого нибудь учебника и украсить ее массой источниковъ! А между тѣмъ студенту предоставляется пробыть въ университетѣ только извѣстное число семестровъ“.

Далѣе, при тѣхъ каѳедрахъ, при которыхъ существуютъ лабораторіи, кабинеты и кли-

ники, конкуренція приватъ-доцента штатному профессору, считающемуся директоромъ этихъ учрежденій, уже прямо немыслима. Даже возьмемъ каѳедры теоретическихъ предметовъ. Штатный профессоръ можетъ забрать изъ университетской библіотеки всѣ необходимыя пособія. Мало того, если приватъ-доцентъ возметъ тѣже пособія еще раньше, то, по требованію штатнаго профессора, онъ долженъ немедленно ихъ возвратить. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ приватъ-доцентъ не можетъ конкурировать съ штатнымъ профессоромъ. Но допустимъ, что параллельныя лекціи приватъ-доцента какимъ-нибудь образомъ могли состояться! Если профессоръ persona grata факультета – а общность факультета требуетъ именно этого!—то факультетъ можетъ все таки такъ прижать слушателей при зачетѣ семестровъ и на выпускныхъ экзаменахъ, что у нихъ окончательно пропадетъ охота подписываться на лекціи нештатнаго профессора. Слѣд., эти пр.-доценты, конкурирующіе съ профессорами, совершенно мертворожденное дитя устава 1884 года. Вотъ что значитъ писать уставъ, не зная совершенно университетской жизни!

Наконецъ вслѣдствіе того, что на первыхъ порахъ, послѣ 1884 года, министерство усиленно пользовалось своимъ правомъ назначать професоровъ на вакантныя каѳедры, профессорами

были назначаемы очень часто люди недостойные, забракованные факультетами, неимѣющіе никакого серьезнаго научнаго ценза. Образовавъ такимъ образомъ въ факультетѣ ералашъ изъ прежнихъ, часто весьма почтенныхъ профессовъ, съ новыми: съ борка, да съ сосенки, министерство часто принимало сторону этихъ послѣднихъ и такимъ образомъ способствовало еще дальнѣйшему пониженію научнаго достоинства факультета. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ министерство спохватилось, увидѣло свою ошибку и вернулось къ автономному самоукомплектованію факультетовъ; но при этомъ, выражаясь по просту, поправило дѣло изъ кулька въ рогожу, ибо въ каждомъ факультетѣ уже образовались партіи, ничего общаго съ наукой неимѣющія, и доминирующее большинство въ факультетахъ получили какъ разъ партіи недостойные, которые теперь продолжали свое дѣло научнаго паденія факультетовъ.

Въ этомъ дѣлѣ особенно развращающе дѣйствовали на учащуюся молодежь медицинскіе факультеты! Чтобы сдѣлаться докторомъ медицины, достаточно было одного желанія! Лѣкарь, сдавшій государственный лѣкарскій экзаменъ, уже черезъ годъ повторялъ **тотъ же экзаменъ**; но, теперь уже этотъ экзаменъ производился въ факультетѣ и назывался докторскимъ Въ какіе-нибудь 2—3 мѣсяца докторантъ стря-

палъ у какого нибудь мѣстнаго воротилы вздорную работку; работка эта попадаетъ, по опредѣленію факультета, обязательно къ тому же воротилѣ и его приспѣшникамъ на оцѣнку; компанія, конечно, даетъ самый лѣстный отзывъ о диссертаціи, и она защищается. Получается, такимъ образомъ, изъ прежняго лѣкаря сразу докторъ медицины—человѣкъ съ высшей ученой степенью! Онъ сейчасъ же дѣлается приватъ-доцентомъ, а тамъ, глядишь, и профессоромъ.

Уже давно указывалось министерству на всю несправедливость этой процедуры, на необходимость въ настоящее время спеціализировать докторскую медицинскую степень и раздѣлить ее, по крайней мѣрѣ, на пять отдѣловъ; предлагалось также учредить степень магистра медицины. Кромѣ того, указывалось на то, что необходимо производить устный экзаменъ на эту степень не по всѣмъ мецидинскимъ предметамъ и не сводить его къ простому повторенію лѣкарскаго экзамена, а производить его только по нѣкоторымъ предметамъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ предмету избранной спеціальности, и производить его основательно, на манеръ, скажемъ, магистерскихъ экзаменовъ на другихъ факультетахъ. Затѣмъ, указывалось и на то, что необходимо требовать отъ магистра и доктора медицины такой же серьезной диссертаціи, какъ и на другихъ факультетахъ. Наконецъ, предлагалось не допускать лѣкаря къ устному экзамену на магистра медицины ранѣе извѣстнаго—напримѣръ трехлѣтняго,—срока, послѣ выдержанія лѣкарскаго экзамена, и т. д. Но все это засижено въ одной изъ безчисленныхъ петербургскихъ комиссій!..

Опять таки гонораръ, введенный уставомъ 1884 года съ цѣлью конкурерціи приватъ-доцентовъ съ штатными профессорами, превратился въ исключительную синекуру нѣкоторыхъ штатныхъ профессоровъ. На многолюдныхъ факультетахъ—какъ, напримѣръ, на юридическомъ петербургскаго и московскаго университетовъ,—самые посредственные профессора получаютъ гонорара, помимо профессорскихъ 3 тысячъ, 5, 10, и даже 15 тысячъ рублей въ годъ!..

Понятно, что профессора, съ цѣлью получать возможно больше гонорара, никакого запрета при пріемѣ слушателей не дѣлали, и вотъ, принималось слушателей гораздо больше того числа, на которое расчитаны и размѣры университетскаго зданія и его средства. Конечно, юридическіе факультеты могли безнаказанно это дѣлать, потому что они очень хорошо знали, что изъ принятыхъ слушателей едва 0.3, 0.2 и даже 0.1 часть будетъ посѣщать лекціи. Но на факультетахъ съ практическими занятіями, несмотря на всяческія ухищренія,

это стало просто невозможнымъ—какъ, напримѣръ, въ харьковскомъ университетѣ!

Параллельно съ этимъ, профессора другихъ, менѣе многолюдныхъ факультетовъ получали гроши. Отсюда весьма понятное недовольство, зависть и т. д. Персоналъ-же, на который собственно и ложилось тяжкимъ бременемъ масса практическихъ занятій со студентами: прозекторы, помощники ихъ, лаборанты, хранители кабинетовъ и т. д, пребывалъ въ самомъ плачевномъ состояніи! Наибольшій окладъ жалованія для этихъ младшихъ преподавателей университета—былъ 1500 руб, а наименьшій—500 руб., и никакого гонорара!.. 500 руб. въ годъ помощнику прозектора, и это лицо должно было быть изъ наиболѣе успѣшно окончившихъ университетскій курсъ!?.. А препараторы на физико-математическомъ факультетѣ! Они получаютъ 300 руб. въ годъ!?..

И эти дѣйствительные университетскіе труженики оставались по многу лѣтъ на своихъ мѣстахъ и должны были еще готовиться къ экзаменамъ на высшія ученыя степени!. Совершенно невѣроятно, а между тѣмъ это такъ! Г.г. штатные профессора, получающіе такой громадный гонораръ, жили рядомъ почти съ нищими, своими товарищами по наукѣ!..

А слышали вы, чтобы за долгій промежутокъ времени этими гонорарниками было об-

ращено вниманіе, кого слѣдуетъ, на такое, дѣйствительно, невозможное положеніе меньшей университетской братіи?.. Понятно, чтобы возможно было существовать—а тѣмъ болѣе подумать о семейномъ очагѣ!—этимъ университетскимъ паріямъ приходилось пріискивать еще другую работу.

Посмотримъ, теперь, на учащуюся или, какъ ее принято иронически называть, неучащуюся молодежь! Откуда она берется? Вѣдь это все наши дѣти, наша же плоть и кровь! Это, въ большинствѣ случаевъ, оставшіеся за бортомъ разныхъ привилегированныхъ и техническихъ институтовъ! Это, въ большинствѣ случаевъ, матеріально недостатсчная, бѣдная молодежь—сыновья различныхъ чиновниковъ и другихъ служащихъ! По общей славянской безпечности и наклонности жить выше своихъ средствъ, это обыкновенно,—молодые люди, въ рѣдкомъ случаѣ получающіе отъ семьи извѣстное содержаніе и долженствующіе сами себѣ снискивать пропитаніе. Отправляясь въ большой университетскій городъ, съ небольшой денежною помощью изъ дому, или получая даже небольшую стипендію, они вскорѣ, вслѣдствіе уже одной, ничѣмъ несдерживаемой дороговизны помѣщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общей дороговизны жизни, бываютъ поставлены въ необходимость искать себѣ уроковъ или какой нибудь подхо-

дящей работы. Бѣгая по урокамъ, они перестаютъ уже правильно посѣщать лекціи и практическія занятія—благо это необязательно!—устаютъ, и создается положеніе, хоть волкомъ вой!.. Многіе, такимъ образомъ, мало по малу превращаются въ типъ вѣчнаго студента. Состоятельнымъ товарищамъ также не лучше! Масса развлеченій и разныхъ приманокъ, представляемыхъ большимъ городомъ, дѣлаютъ то, что и эти молодые люди также перестаютъ посѣщать лекціи. И такимъ образомъ, въ лекціонное время, въ университетѣ аудиторіи совершенно пусты, а на улицахъ масса фланирующей университетской молодежи..

Болѣе отзывчивая молодежь понимаетъ, что съ нею дѣлаютъ что-то неладное; но, не находя разрѣшенія многихъ, интересующихъ ее вопросовъ съ кафедръ университетовъ или, что еще хуже, встрѣчая тамъ нерѣдко намеки и недосказанныя фразы вродѣ того, что ничего другого и нельзя ожидать при данномъ правительственномъ режимѣ, она прямо всю вину сваливаетъ на Правительство, въ чемъ она и находитъ подтвержденіе со стороны пятачковой прессы. Кромѣ того, сталкиваясь съ такими же неудовлетворенными и потерявшими равновѣсіе элементами, она идетъ на улицу и устраиваетъ всякіе дебоши. Другая ея часть, получивъ дипломъ, поступаетъ въ дѣло и здѣсь, не будучи снабжена никакими полезными свѣдѣніями и не воспитавъ въ себѣ никакого чувства долга, скоро, побуждаемая дороговизною той-же жизни и вездѣ встрѣчаемою роскошью, примыкаетъ къ казнокрадамъ.

Мы все это видимъ, понимаемъ; но, чтобы энергично и дѣловито выступить въ защиту молодежи, такъ этого нѣтъ: мы все ждемъ, авось кто нибудь выступитъ, и рукоплещемъ, когда достается, впопадъ или не впопадъ, министерству народнаго просвѣщенія, а то и всему Правительству. Но, съ другой стороны, и министерство народнаго просвѣщенія винить нельзя, ибо оно состоитъ изъ тѣхъ-же россійскихъ людей и дѣлаетъ по своему разумѣнію лучшее. А между тѣмъ наше бѣдное отечество, для предстоящихъ реформъ всего жизненнаго склада, требуетъ неотступно компетентныхъ людей—исполнителей. А гдѣ же ихъ взять, если система народнаго образованія оказывается, и уже давно совершенно непригодною.

Пишущій эти строки уже давно, очень давно, лѣтъ 15 назадъ, когда все въ дѣлѣ народнаго образованія, повидимому, обстояло благополучно, предвидѣлъ, однако, развалъ его и писалъ многимъ министрамъ и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Но, вѣроятно вслѣд-

ствіи того, что занималъ скромную медицинскую каѳедру, никакого вниманія на эти мои писанія обращено не было. Изрѣдка, впрочемъ, отъ нѣкоторыхъ лицъ я получалъ болѣе или менѣе лестные отзывы; но тѣмъ дѣло и оканчивалось! Весною 1905 года, когда долѣе терпѣть было не въ моготу, и желая вызвать со стороны публики отзывъ о моихъ проектахъ, я предалъ мои проекты гласности и напечаталъ ихъ. Всѣ газеты замолчали эти проекты какъ нѣчто, незаслуживающее ихъ просвѣщеннаго вниманія, и въ публикѣ они также разошлись въ ничтожномъ количествѣ, не вызвавъ также никакой реакціи. Въ 1906 году я снова написалъ въ одной газетѣ статью по тому же креугольному вопросу, въ которой проводилъ тѣ же принципы переустройства нашего разлагающагося образованія. Но съ тѣмъ же успѣхомъ! Теперь я обращаюсь въ третій разъ и, быть можетъ, послѣдній ко всѣмъ лицамъ, понимающимъ, подобно мнѣ, всю ошибочность и невозможность постановки у насъ образованія вообще и въ частности средняго и высшаго,—и не въ одномъ только министерствѣ народнаго просвѣщенія! — и предлагаю слѣдующій, составленный уже 15 лѣтъ проектъ, который и по сіе время, съ нѣкоторыми измѣненіями, кажется мнѣ лучшимъ, способнымъ вывести наше многострадальное отечество на

путь къ преуспѣянію, котораго дѣйствительно оно заслуживаетъ.

Мой проектъ отличается отъ всѣхъ подобныхъ проектовъ своею простотою, реальностью и не содержитъ никакого историческаго обзора системъ образованія, господствовавшихъ до этого времени и ихъ обоснованія—уже отчасти потому, что всѣ они были болѣе или менѣе удачными сколками съ Запада и никакой связи съ внутреннимъ государственнымъ россійскимъ устройствомъ не представляли. Равнымъ образомъ я не доискиваюсь причинъ, не дѣлаю сыска, кто и чѣмъ виновенъ въ такомъ печальномъ исходѣ нашего образованія: въ чемъ виноваты графъ Димитрій Толстой, графъ Деляновъ, Боголѣповъ, Ванновскій и другіе, болѣе современные министры, потому что я глубоко убѣжденъ, что всѣ эти правительственные агенты одинаково были воодушевлены самыми благими намѣреніями и были убѣждены, что вотъ именно они-то и насаждаютъ въ странѣ прочную систему образованія. А затѣмъ, вѣдь всѣ эти министры и остальные правительственные агенты—вѣдь это не пришлые люди, не иностранцы какіе-нибудь, забравшіеся въ Россію, чтобы напакостить ей, а плоть отъ плоти земли русской! И опять таки скажу: гдѣ же все это время были мы, умники! Отчего мы, замѣчая что-нибудь неладное въ этой отрасли упра-

вленія громко не говорили этого, не писали объ этомъ! Вѣдь, если время отъ времени и запрещалось писать что-нибудь противъ господствующей системы образованія, то, собственно, запрещалось касаться личностей, а разбирать какое-нибудь правительственное распоряженіе совершенно объективно, серьезно, не запрещалось, какъ можно было бы объ этомъ подумать на основаніи лжи въ иностранной прессѣ. Посмотрите на общее, поголовное воровство, чиновничье и частное, отъ котораго теперь больше всего страдаетъ Россія! Кто эти воры? Откуда они? Не есть ли эти воры также кость отъ костей и плоть отъ плоти того-же всероссійскаго общества?..

Такимъ образомъ я глубоко убѣжденъ, что и совершенно невозможная система нашего средняго и высшаго образованія есть также нашъ общій грѣхъ, грѣхъ того же всероссійскаго общества — наше преступленіе, выражаясь глубоко продуманными и совершенно вѣрными словами Родіонова...

Мой проектъ очень простъ; но несомнѣнно онъ потребуетъ радикальнаго переустройства всей системы нашего образованія. Положенное въ основу средняго образованія изученіе древнихъ языковъ въ Западной Европѣ мѣстами давно оставлено, у насъ же все уже господствуетъ. Россія, по преимуществу, государство мужицкое, демократическое, и потому для насъ классическая система воспитанія, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ дорога, непримѣнима; напротивъ, воспитаніе на хорошихъ примѣрахъ болѣе современныхъ дѣятелей: англійскихъ, нѣмецкихъ, тѣхъ же классическихъ, хорошо переведенныхъ, а главное на своихъ русскихъ, не только возможно, но крайне полезно, потому что оно вмѣстѣ съ тѣмъ знакомило-бы воспитанника съ собственной исторіей. Разъ отрѣшившись отъ этой, совершенно неподходящей къ намъ системы классическаго образованія, нужно также уничтожить тѣсно съ нею связанную систему дозрѣванія въ 8 классѣ, уничтожить этотъ классъ классическаго бездѣлія нашихъ гимназій и заканчивать среднее образованіе воспитанника седьмымъ классомъ или, нормально, семнадцатымъ годомъ жизни.

Поэтому, исходя изъ того основнаго положенія, что среднее воспитаніе должно нормально охватывать возрастъ отъ 10 до 17 лѣтъ, нужно прежде всего учредить низшія гимназіи, или **прогимназіи**, съ четырехгодичнымъ курсомъ, безъ всякихъ древнихъ языковъ, и только съ новыми: нѣмецкимъ и французскимъ. Преподавателямъ этихъ гимназій должно строго внушить, что задача низшихъ гимназій двоякая: воспитательная и образовательная,—что они назначаются въ эти гимназіи не какъ контролеры знаній воспи-

танниковъ, но для сообщенія имъ этихъ знаній и для воспитанія ихъ. Слѣдовательно, они должны своимъ умѣлымъ преподаваніемъ заинтересовать и заставить менѣе способныхъ и болѣе лѣнивыхъ относиться съ одинаковымъ интересомъ къ сообщаемымъ знаніямъ,—должны развить въ воспитанникахъ любовь къ труду и извѣстныя нравственныя качества. Можно бы установить даже премію для тѣхъ изъ нихъ, которые сумѣютъ свой классъ довести до возможно меньшаго числа малоуспѣшныхъ учениковъ. Не нужно, чтобы въ классѣ были выдающіеся по своимъ способностямъ воспитанники—это уже зависитъ отъ природы ихъ, а не отъ умѣнья воспитывать,—а нужно, чтобы было возможно меньшее число малоуспѣшныхъ. Въ этомъ и состоитъ весь секретъ умѣлаго преподаванія. Поэтому, въ классѣ не должно быть болѣе 30 воспитанниковъ, и преподавателями низшихъ гимназій должны быть опытные педагоги, окончившіе, сверхъ института, особые педагогическіе классы.

По мѣрѣ накопленія воспитанниковъ, нужно открывать параллельные классы.

Такія прогимназіи открывать во всѣхъ городахъ, въ которыхъ чувствуется потребность въ нихъ.

Конечно, на первый разъ министерству народнаго просвѣщенія будетъ прямо таки не-

возможно открыть должное количество такихъ прогимназій—между прочимъ уже по недостатку учебнаго персонала. Но при этомъ должно положить за правило: лучше имѣть менѣе нужнаго числа настоящихъ гимназій, нежели выпускать полуобразованныхъ юношей.

Впрочемъ большой подмогой на первый разъ здѣсь послужитъ частная иниціатива. Допуская открытіе частныхъ прогимназій съ правами правительственныхъ, нужно только заботиться о томъ, чтобы обученіе въ оныхъ велось по тому же плану, какъ и въ правительственныхъ: чтобы, напримѣръ, воспитанниковъ въ классѣ было не болѣе 30 человѣкъ,—чтобы преподаваніемъ занимались педагоги, имѣющіе свидѣтельства отъ педагогическихъ институтовъ,— и чтобы преподаваніе предметовъ и воспитаніе учениковъ шло бы такъ же удовлетворительно и въ томъ же объемѣ, какъ и въ правительственныхъ прогимназіяхъ. Этотъ инспекторскій надзоръ производитъ не съ какой нибудь фискальной цѣлью, а исключительно для провѣрки достаточнаго воспитанія молодежи въ частныхъ прогимназіяхъ съ правительственными правами.

Мальчикъ, окончившій экзаменъ въ прогимназіи, можетъ или продолжать свое образованіе и поступить для этой цѣли въ трехклассную **гимназію**,—или, не имѣя средствъ, необ-

ходимыхъ для этого, и желая въ 2—3 года закончить свое среднее образованіе, поступить въ какую нибудь **профессіональную школу.**

Пребываніе въ теченіи 3-хъ лѣтъ въ высшей гимназіи, или, просто, въ гимназіи, подготовляло-бы воспитанника въ одинъ изъ институтовъ, но не давало еще никакого законченнаго образованія; напротивъ того, профессіональная школа, съ двух-трехгодичнымъ курсомъ, представляла-бы собою уже совершенно законченное среднее образованіе.

Это избавляло-бы общество въ значительной степени отъ полуобразованнаго пролетаріата, котораго, теперь, у насъ такъ много, благодаря нашей нелѣпой и недостаточной системѣ образованія; потому что, теперь, гимназіи и соотвѣтствующія имъ училища, служа единственными средними образовательными заведеніями, дѣлаютъ то, что масса изгнанныхъ, а также исключенныхъ за невзносъ платы за ученіе, даютъ большой контингентъ неудачниковъ, изъ которыхъ впослѣдствіи вырабатываются озлобленные молодые люди, такъ называемые анархисты, а то и прямо хулиганы; тогда всѣ эти несчастные подростки будутъ заканчивать свое среднее образованіе въ профессіональныхъ школахъ и дѣлаться полезными людьми.

Гимназіи, оставаясь, въ общемъ, той же среднеобразовательной школой съ не болѣе, какъ 30-ю воспитанниками въ классѣ, дѣлятся на двоякаго рода заведенія: **классическія** гимназіи, съ трехгодичнымъ курсомъ и съ древними языками,—и **физико-математическія** гимназіи, съ англійскимъ языкомъ и увеличеннымъ преподаваніемъ математики.

Занятія древними языками должны вестись такимъ образомъ, чтобы воспитанника ознакомить съ чтеніемъ древнихъ латинскихъ и греческихъ книгъ, важныхъ для будущаго филолога и юриста. Тѣ и другія гимназіи представляютъ собою незаконченныя среднеобразовательныя заведенія, какъ напримѣръ профессіональныя школы, а только подготовительныя высшаго порядка, для поступленія въ одинъ изъ институтовъ.

Профессіональныя школы съ двух-трехлѣтнимъ курсомъ являются, уже не подготовительными средними школами, а совершенно законченными, готовящими для извѣстной функціи въ жизни. Онѣ разнообразны: духовныя, для приготовленія низшихъ церковно-служащихъ лицъ*),

*) Чтобы это было понятно я приведу слова, сказанныя мною въ одной докладной запискѣ. Въ ней я говорю именно о закрытіи православнаго духовнаго сословія, какъ это имѣетъ мѣсто во всѣхъ остальныхъ христіанскихъ религіяхъ.

Отдавая православному духовенству, по справедливости, дань глубокаго уваженія за ту роль, которую оно сыграло въ

земледѣльческія, лѣсныя, коммерческія, почтово-телеграфныя, юридическія, фельдшерскія, штейгерскія, слесарно-механическія и т. д.

историческое время собиранія земли русской въ одно цѣлое, я говорю: „Православное духовенство (теперь) выродилось въ какую-то касту жрецовъ, духовное сословіе, совершенно недопустимое въ настоящее время ни въ одномъ культурномъ государствѣ. Это сословіе и было главною причиною того, что глубоко-религіозный русскій народъ отшатнулся отъ церкви. Вмѣсто того, чтобы укрѣплять въ народѣ религіозныя и нравственныя чувства, православное духовенство, уже однимъ несоотвѣтствіемъ между словомъ и дѣломъ, отталкивало его отъ себя, и онъ шелъ на сторонѣ искать истины. Отсюда успѣхъ процаганды всякихъ инославій.. Да и вообще, возможно ли нынѣ кастовое устройство духовенства? Не гораздо справедливѣе было бы, если бы молодые люди, безъ различія сословій, чувствуя въ себѣ особенное призваніе къ христіанской проповѣди и къ служенію церкви, посвящали бы себя пасторской подготовкѣ и этого рода дѣятельности, какъ это принято во всѣхъ прочихъ христіанскихъ религіяхъ".

Или послушаемъ, что говоритъ высокопреосвященный Антоній, архіепископъ волынскій, ревизовавшій недавно кіевскую духовную академію: „высшая профессіональная школа (к. д. академія), въ которой учащіе и учащіеся собрались не по призванію богословской спеціальности, а по сословному происхожденію... Въ академію поступаютъ не интересующіеся богословіемъ и вообще наукою, но въ большинствѣ случаевъ тѣ молодые люди духовнаго сословія, которые желаютъ воспользоваться возможностью на казенный счетъ „выйти въ господа", перейти изъ среды сельскаго духовенства въ болѣе привиллегированную—чиновниковъ духовнаго и свѣтскаго вѣдомства". Это говоритъ высокопочтенный архіепископъ волынскій Антоній, на основаніи ревизіи кіевской духовной академіи въ недавнемъ ея прошломъ! Поэтому, не было ли справедливѣе упразднить духовное православное сословіе, закрыть эти разсадники невѣрія: семинаріи и академіи, и открыть богословскіе институты"...

Затѣмъ мы переходимъ къ нашему высшему образованію: къ Императорскимъ университетамъ и соотвѣтствующимъ институтамъ.

Я живу около 40 лѣтъ университетскою жизнью и, въ свое время, въ юношескіе годы, былъ поборникомъ пресловутой университетской свободы. На глазахъ у меня протекла эта жизнь съ многими перемѣнами университетскаго строя, и, теперь, я долженъ сказать, что, не смотря на всѣ передѣлки, университетская жизнь все падаетъ ниже и ниже. Профессорскій персоналъ постепенно терялъ свой научный цензъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и престижъ среди молодежи, молодежь теряла своихъ руководителей, не вѣрила имъ и шла на сторону доканчивать свое самообразованіе. Это особенно стало замѣтно за послѣднія 25 лѣтъ, когда университетъ потерялъ уже всякій престижъ у молодежи и превратился, со времени введенія гонорарной системы, въ какую то, съ позволенія сказать, лавочку, торгующую дипломами. Гонорары не только не улучшили преподавателей, но напротивъ значительно ухудшили, такъ какъ большіе гонорары побудили «автономную», корпорацію университетскихъ преподавателей выбирать въ профессоры «своихъ людей», далеко не всегда лучшихъ,—увеличенное количество кафедръ повело къ увеличенію числа лекцій—и мы видѣли съ какими

послѣдствіями!—и студенты совершенно перестали ихъ посѣщать. Новый уставъ обѣщаетъ еще болѣе увеличить число кафедръ,—составители его, вѣроятно, желаютъ показать, что они совершенно, «въ курсѣ дѣла». Но, ради Бога, помилосердствуйте! У студента всетаки 24 часа въ сутки. Если онъ уже теперь страдаетъ отъ избытка лекцій, то что же будетъ при увеличенномъ числѣ лекцій!

Исходя изъ того неоспоримаго положенія, что заниматься серьезно наукою и серьезно преподавать одновременно, при настоящемъ развитіи наукъ, стало почти невозможнымъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что необходимо современные университеты раздѣлить на собственно **высшія учебныя учрежденія**, или Императорскіе Университеты въ полномъ смыслѣ слова,—и на **высшія учебныя заведенія** для учащейся молодежи, или институты.

Конечно, я имѣю въ виду серьезную научную дѣятельность, а не такую, которая, обыкновенно, лежитъ въ основѣ легкихъ сообщеній, дѣлаемыхъ нынче десятками. Сообщенія эти дѣлаются нынѣ безъ всякаго основательнаго знанія литературы предмета; литература прямо выписывается изъ книгъ, вовсе не прочитывается въ оригиналѣ и не освѣщается разумною критикою; самыя изслѣдованія производятся невозможными методами изслѣдованія и т. д.

Отношеніе къ преподаванію я также имѣю въ виду серьёзное, а не однѣ безсодержательныя лекціи, сопровождаемыя такими же безсодержательными практическими занятіями. Такія лекціи и практическія занятія, развившіяся особенно за послѣднія 15 лѣтъ, достигаютъ совершенно противоположныхъ результатовъ: вмѣсто того, чтобы лучше познакомить съ содержаніемъ и методами изслѣдованія данной науки, они знакомятъ молодежь только съ послѣдними пріобрѣтеніями науки и пріучаютъ ее относиться поверхностно и легко къ этой самой наукѣ.

Такимъ образомъ, серьезно работать и одновременно преподавать до такой степени стало невозможно, что, при серьёзномъ отношеніи къ преподаванію, для научныхъ занятій остаются только каникулярные промежутки времени. Въ самомъ дѣлѣ, возьму для примѣра свою университетскую дѣятельность профессора физіологіи на медицинскомъ факультетѣ. Я имѣлъ восемь лекцій въ недѣлю и, по временамъ, еще вечернія практическія занятія. Являлся въ университетъ около девяти съ половиной часовъ утра и оставался тамъ до 2-хъ часовъ пополудни. Въ это время я, два мои ассистента и служители исключительно были заняты приготовленіями приборовъ или препаратовъ для лекціи, производствомъ физіологическихъ опы-

товъ и самыми лекціями. Въ это время ни для меня, ни для моихъ ассистентовъ никакая самостоятельная научная дѣятельность была невозможна. Вечера употреблялись хотя для бѣглаго обзора всей, обыкновенно, обширной и многоглаголивой литературы, чтобы быть хотя au courant всего того, что дѣлается въ твоей наукѣ. Остаются, слѣдовательно, для собственныхъ занятій одинъ-два часа до обѣда, праздничные дни и каникулярное время. Въ послѣлекціонные часы чувствуешь себя настолько утомленнымъ, что никакая серьёзная работа невозможна, а праздничные дни и ваканціонное время ждешь, какъ какой-нибудь школьникъ. Остается, слѣдовательно, время передъ Рождествомъ и отъ Пасхи до начала экзаменовъ.

Если же заниматься серьезно наукою въ теченіи учебнаго года, то придется черезъ пятоедесятое читать студентамъ.

Вотъ эта-то физическая невозможность совмѣстить серьёзную научную дѣятельность съ серьёзнымъ преподаваніемъ, когда только оставалось сложить руки и восклицать, по примѣру одного покойнаго уже коллеги-философа: «могій совмѣстить, да совмѣститъ»... и привели меня къ необходимости вышеозначеннаго раздѣленія ученой дѣятельности отъ учебной— другими словами, о раздѣленіи нашихъ тепе-

решнихъ университетовъ на новые университеты и институты.

Итакъ, члены этихъ новыхъ университетовъ: 1) **двигали-бы науку**, — 2) **давали-бы ученыя степени**,—3) **давали-бы степень ученаго спеціалиста**,— и 4) **выбирали-бы профессоровъ для институтовъ**.

На первыхъ порахъ можно ограничиться учрежденіемъ трехъ новыхъ Императорскихъ университовъ: с.-петербургскаго, московскаго и кіевскаго. С.-Петербургскій можнобы назвать университетомъ Императора Николая II-го, предполагая, что устройство его совпадетъ съ народнымъ празднествомъ 300-лѣтія Дома Романовыхъ, и волею нынѣшняго Государя будетъ обновлено это высшее ученое учрежденіе, при чемъ нынѣшняя с.-петербургская академія наукъ вошла-бы въ составъ этого же университета, въ качествѣ двухъ факультетовъ; московскій университетъ могъ бы назваться университетомъ Петра Великаго, а кіевскій—университетомъ Св. Владиміра.

Для образованія этихъ новыхъ Императорскихъ университетовъ Высочайше назначается комиссія изъ членовъ нынѣшней академіи наукъ, бывшихъ и настоящихъ профессоровъ нынѣшнихъ университетовъ и лицъ, имѣющихъ ученую степень и достаточно извѣстныхъ своей ученой дѣятельностью, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Импера-

торской фамиліи — напримѣръ, нынѣшняго Президента с.-пб. академіи наукъ. Комиссія распадается на столько подкомиссій, сколько предполагается образовать факультетовъ въ университетахъ. Въ каждой подкомиссіи предсѣдательствуетъ старѣйшій изъ членовъ.

Конкурсъ на званіе членовъ новыхъ Императорскихъ университетовъ публикуется въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и въ «Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ» и разсылается во всѣ теперешніе университеты и соотвѣтствующія имъ высшія образовательныя учрежденія.

Конкурентъ въ члены новаго университета долженъ быть русскаго происхожденія, пріобрѣвшій высшую ученую степень въ русскомъ университетѣ или въ соотвѣтствующемъ таковому учрежденіи и извѣстный своими трудами среди отечественныхъ и иностранныхъ ученыхъ. По объявленіи конкурса и полученіи трудовъ отъ конкурирующихъ, чрезъ извѣстный срокъ, назначается засѣданіе соотвѣтствующей подкомиссіи, и труды конкурентовъ раздаются членамъ по спеціальности. Члены, взявшіе труды конкурентовъ, обязуются, опять таки къ извѣстному сроку, представить писанныя или печатныя рецензіи на взятые труды.

По полученіи рецензій предсѣдатель подкомиссіи печатаетъ ихъ въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ» и разсылаетъ какъ членамъ подкомиссіи, такъ и во всѣ нынѣшніе университеты и соотвѣтствующія онымъ учрежденія, для передачи ихъ спеціалистамъ, съ опредѣленіемъ срока представленія этими послѣдними отдѣльныхъ мнѣній предсѣдателю подкомиссіи. Въ то же время предсѣдатель подкомиссіи, чрезъ Президента комиссіи, испрашиваетъ отзывы спеціалистовъ высшихъ ученыхъ учрежденій Берлина, Парижа и Лондона относительно не болѣе троихъ изъ конкурентовъ, имѣющихъ болѣе серьёзныя заслуги.

По полученіи всѣхъ отзывовъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, предсѣдатель подкомиссіи назначаетъ засѣданіе въ которомъ докладываются какъ печатанныя рецензіи членовъ комиссіи, такъ и отзывы иностранныхъ и отечественныхъ спеціалистовъ. По обсужденіи всего этого производится въ ближайшемъ засѣданіи открытая баллотировка конкурентовъ. Конкурентъ, получившій простое большинство голосовъ и болѣе, чѣмъ другіе, считается избраннымъ и представляется Президентомъ академіи на Высочайшее утвержденіе.

Такой же порядокъ замѣщенія членовъ, съ тою лишь разницею, что избранный факультетомъ членъ, до представленія Государю Императору на утвержденіе, подвергается открытой баллотировкѣ въ совѣтѣ всего

университета, остается вообще для университетовъ и на будущее время.

Императорскій университетъ подраздѣляется на слѣдующіе факультеты: а) **богословскій**, б) **историко-филологическій**, в) **физико-математическій**, г) **юридическій**, д) **медико-хирургическій**. е) **восточный**, ж) **искусствъ**, з) **политико-экономическій**, и) **инженерный**, і) **горный**, к) **земледѣльческій** и т. д. Открытіе при данномъ университетѣ всѣхъ или только нѣкоторыхъ факультетовъ зависитъ отъ потребности въ нихъ.

Президентъ университета избирается совѣтомъ университета изъ своихъ членовъ простымъ большинствомъ голосовъ и утверждается Высочайше на 3 года.

Каждый факультетъ университета избираетъ изъ своихъ членовъ декана, который утверждается въ этой должности на 3 года президентомъ университета. То же лицо не можетъ быть избираемо два трехлѣтія сряду ни въ президенты, ни въ деканы.

Деканы перваго избранія назначаются на 2 года; а затѣмъ уже, деканы назначаются согласно уставу, на 3 года.

Императорскій университетъ печатаетъ свои труды въ 2-хъ изданіяхъ: еженедѣльныхъ «Извѣстіяхъ» и мѣсячныхъ «Трудахъ».

Университетъ представляетъ учрежденіе автономное и подлежитъ непосредственному ве-

денію Государя Императора, входя во всемъ прочемъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія.

Университетъ имѣетъ частныя засѣданія по факультетамъ, подъ предсѣдательствомъ деканова, и общія—подъ предсѣдательствомъ президента.

Члены университета занимаются разрѣшеніемъ разныхъ научныхъ вопросовъ, для чего у нихъ имѣются библіотеки, лабораторіи, кабинеты и средства для устройства ученыхъ экскурсій, пріобрѣтенія новыхъ изданій, книгъ, аппаратовъ, коллекцій и т. д.

Обязательныхъ лекцій, а, слѣдовательно, и слушателей, въ университететѣ нѣтъ; но члены университета, если пожелаютъ, могутъ читать спеціальныя или публичныя лекціи въ зданіи университета—тѣ и другія безплатно. На первыя лекціи допускаются только лица, окончившія соотвѣтствующіе институты, и по билетамъ,—на вторыя выдается опредѣленное число билетовъ всѣмъ желающимъ, безъ различія образовательнаго ценза.

Императорскому университету наукъ принадлежитъ исключительное право дачи ученыхъ степеней въ Россіи. Степеней двѣ: магистра какой-нибудь науки—въ томъ числѣ и медицинской,—и доктора. Для полученія степени

магистра полагается извѣстный устный (по спеціальному и извѣстнымъ общимъ предметамъ) экзаменъ и защита ученаго труда, а для полученія степени доктора нужно имѣть уже степень магистра и защитить второй печатный трудъ. Устное испытаніе на степень магистра производится въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ факультета, а защита диссертаціи на ту же степень—въ публичномъ. Защита диссертаціи на степень доктора производится въ публичномъ общемъ засѣданіи совѣта университета О защитѣ магистерской диссертаціи публикуется въ «Извѣстіяхъ» Императорскаго университета наукъ за двѣ недѣли до защиты, а о защитѣ докторской—за мѣсяцъ до защиты.

Императорскому университета наукъ принадлежитъ право дачи степени **ученаго спеціалиста**: медика, юриста, филолога, математика, натуралиста, техника, лингвиста и т. д Желающій пріобрѣсти эту степень долженъ окончить съ успѣхомъ соотвѣтствующій институтъ и подвергнуться извѣстному экзамену въ университетѣ. Экзаменъ производится въ обыкновенномъ засѣданіи соотвѣтствующаго факультета, въ которое въ случаѣ надобности, могутъ быть приглашаемы извѣстные ученые спеціалисты.

Императорскій университетъ, наконецъ, выбираетъ профессоровъ въ институты.

Если освобождается какая-нибудь каѳедра въ одномъ изъ институтовъ, то институтъ доноситъ объ этомъ министру народнаго просвѣщенія. Министръ предлагаетъ одному изъ университетовъ открыть конкурсъ на открывшуюся каѳедру. О конкурсѣ публикуется въ «Извѣстіяхъ» университета, и публикаціи разсылаются во всѣ университеты и соотвѣтствующіе институты.

Конкурировать на каѳедру въ какомъ-нибудь институтѣ могутъ лица, пріобрѣвшія въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, по крайней мѣрѣ, ученую степень магистра данной науки или близкаго отдѣла наукъ. Конкурирующій представляетъ свои работы въ университетъ. По полученіи работъ отъ одного или нѣсколькихъ конкурентовъ, соотвѣтствующій факультетъ университета назначаетъ въ своемъ засѣданіи рецензентовъ, и, въ положенный срокъ, рецензенты представляютъ свои отзывы, которые печатаются въ «Извѣстіяхъ» университета и разсылаются въ другіе университеты и во всѣ соотвѣтствующіе институты. По истеченіи опредѣленнаго времени и по полученіи изъ университетовъ и институтовъ замѣчаній относительно рецензій, назначается деканомъ факультета обыкновенное засѣданіе, въ которомъ обсуждаются рецензіи и замѣчанія на нихъ, а въ слѣдующемъ засѣданіи производятся выборы открытою баллатиров-

кою. Лицо, получившее простое большинство, а въ случаѣ нѣсколькихъ лицъ: лицо, получившее простое большинство, и притомъ больше голосовъ, нежели другіе конкуренты, признается избраннымъ на вакантную каѳедру. Избранный кандидатъ представляется на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія; послѣдній, въ случаѣ своего несогласія, при мотивированномъ мнѣніи, передаетъ все дѣло въ другой университетъ.

Члены университета, предполагая, что они будутъ жить въ большомъ университетскомъ городѣ, получаютъ по 6 тысячъ содержанія въ годъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда они получаютъ въ университетѣ квартиру, за квартиру вычитается 1200 руб. въ годъ. Деканы получаютъ по 7 тысячъ въ годъ, съ вычетомъ за квартиру, если они таковую имѣютъ, по 1500 руб. въ годъ. Президентъ университета получаетъ 9000 руб. въ годъ содержанія; при готовой квартирѣ у него также удерживается 1500 руб. годъ. Прозектора, лаборанты, хранители музеевъ и и библіотекари получаютъ 2000 руб. въ годъ прибавляя за каждое изъ первыхъ двухъ пятилѣтій по 500 руб.; всѣ они получаютъ готовыя квартиры въ университетѣ.

Всѣ они, при поступленіи на службу, должны имѣть, по крайней мѣрѣ, степень ученаго спеціалиста въ той наукѣ, при представителѣ

которой они желаютъ опредѣлиться. Они утверждаются по представленію заинтересованнаго члена университета соотвѣтствующимъ факультетомъ.

Институты для образованія молодыхъ людей.

Устройство этихъ институтовъ и образуетъ также одну изъ существенныхъ главъ моего проекта. Реформу институтовъ необходимо произвести теперь-же, когда господинъ министръ народнаго просвѣщенія представилъ, наконецъ, свой, столь долго ожидавшійся проектъ преобразованія нашихъ университетовъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи этотъ проектъ, въ сущности, оказывается тѣмъ же старымъ проектомъ, съ добавленіемъ института университетскихъ приставовъ (проектъ быв. мин. Шварца).

Ставить всякаго юношу, который пришелъ въ университетъ учиться, на первыхъ же порахъ подъ начало тѣхъ же, въ сущности, полицейскихъ приставовъ, это въ высшей степени несправедливо, а главное не достигаетъ своей цѣли.

Въ самомъ дѣлѣ, противъ чего направляется эта мѣра? Противъ постоянныхъ волненій студентовъ, нарушающихъ правильный ходъ занятій въ университетѣ? Но развѣ подобными мѣрами можно сдержать толпу въ

5—6 тысячъ легко воспламеняющейся молодежи, которой мы даже мѣста не въ состояніи обезпечить, а гонорарная система преподаванія отворяетъ двери университетовъ все шире и шире!

Очевидно нужно устраивать отдѣльные институты не болѣе какъ на 400—500 человѣкъ. Эти заведенія должны быть по столько закрытыми, по сколько число слушателей ограниченное и всѣ занятія обязательны. Студентъ, пробывшій на одномъ курсѣ болѣе 2-хъ лѣтъ или вообще въ институтѣ болѣе 2 лѣтъ, сверхъ положенныхъ 4 или 5 лѣтъ, увольняется изъ института.

Въ институтѣ не разрѣшаются никакія сходки по вопросамъ, касающимся вообще всего студенчества; сходки по другимъ вопросамъ, исключительно студентовъ даннаго института касающимся, могутъ происходить всякій разъ съ особаго разрѣшенія ректоровъ или директоровъ института, подъ ихъ личною отвѣтственностью, и исключительно въ праздничные дни. Входъ въ институтъ постороннимъ лицамъ строго воспрещается.

Число читаемыхъ предметовъ и программы преподаванія послѣднихъ должны быть строго соразмѣрены съ 6-ю часами до обѣденнаго времени. Практическія и библіотечныя занятія должны происходить отъ 4-хъ часовъ дня до 7-ми часовъ вечера.

Не дочитывать предмета нельзя; предметъ долженъ быть пройденъ въ положенное время вполнѣ. Программы должны пересматриваться каждыя 5 лѣтъ.

Число студентовъ соображается со средствами института. Необходимо, чтобы каждый слушатель имѣлъ мѣсто какъ въ аудиторіи, такъ и на практическихъ занятіяхъ. Число слушателей и по юридическимъ наукамъ также должно быть ограничено—не только соображаясь съ размѣрами аудиторій, но также и съ практическими занятіями студентовъ.

Административный и преподавательскій персоналъ института состоитъ изъ ректора, или директора, проректора, или помощника директора, профессоровъ, преподавателей, прозекторовъ, помощниковъ ихъ, лаборантовъ, хранителей кабинетовъ, хранителей музеевъ, библіотекаря и т. д.

Профессора и преподаватели, съ ректоромъ института во главѣ, образуютъ совѣтъ, который автономно вѣдаетъ преподаваніемъ и внутренней жизнью института.

Директоръ института назначается министромъ народнаго просвѣщенія изъ пенсіонированныхъ профессоровъ соотвѣтствующихъ, кромѣ даннаго, институтовъ съ окладомъ жалованія въ 6000 р. въ годъ. Получаемая пенсія на время директорства удерживается. По-

мощникъ директора избирается самимъ совѣтомъ института изъ пенсіонированныхъ **преподавателей** института и утверждается министромъ народнаго просвѣщенія; онъ получаетъ 4000 р. въ годъ и квартиру, и получаемая имъ пенсія также удерживается на время его новаго служенія.

Предметы раздѣляются на главные и второстепенные. По главнымъ предметамъ назначаются профессора изъ лицъ, имѣющихъ, по крайней мѣрѣ, ученую степень магистра данной науки и избранныхъ однимъ изъ новыхъ университетовъ; преподаватели второстепенныхъ предметовъ назначаются министромъ народнаго просвѣщенія изъ лицъ, удостоившихся въ одномъ изъ новыхъ университетовъ званія ученаго спеціалиста.

Жалованіе, безъ готовыхъ квартиръ, профессорамъ—3000 руб., прибавляя за каждое изъ первыхъ трехъ пятилѣтій по 500 руб. въ годъ, а преподавателямъ—2000 руб. въ годъ, прибавляя за каждое изъ первыхъ двухъ пятилѣтій по 500 руб. въ годъ.

Остальные служащіе: прозектора, помощники ихъ, лаборанты, хранители кабинетовъ, библіотекари и т. д., представлятюся въ совѣтъ соотвѣтствующимъ профессоромъ и преподавателемъ изъ лицъ съ успѣхомъ окончившихъ

соотвѣтствующій институтъ и подвергшихся установленному государственному экзамену.

Прозекторы и лаборанты получаютъ съ квартирою 1500 руб. въ годъ, прибавляя за каждое изъ первыхъ трехъ пятилѣтій по 300 руб. въ годъ, а помощники прозектора, хранители кабинетовъ и музеевъ и библіотекари получаютъ съ квартирою 1200 руб. въ годъ, прибавляя за каждое изъ первыхъ двухъ пятилѣтій по 300 рублей въ годъ.

Кромѣ того, болѣе способнымъ молодымъ людямъ, окончившимъ институтъ и оставляемымъ при институтахъ на 2 года для приготовленія къ профессорскому званію, нужно давать, по крайней мѣрѣ, по 1200 р. въ годъ для посылки ихъ въ одинъ изъ новыхъ университетовъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія и приготовленія къ профессорскому званію.

Профессора, преподаватели и вообще весь учебный персоналъ отдаютъ все свое время занятіямъ со студентами, теоретическимъ и практическимъ, и только свободное отъ этихъ занятій время посвящаютъ собственнымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Профессора и преподаватели даннаго института не могутъ одновременно брать на себя преподаваніе внѣ института.

При такомъ ограниченіи преподавательскаго персонала института и при необезпечен-

ности большинства студентовъ **существовать имъ въ большихъ университетскихъ городахъ, при общей дороговизнѣ жизни, положительно невозможно.** Это указываетъ намъ ео ipso и мѣста для открытія институтовъ—и это есть также одно изъ кардинальныхъ условій нашей реформы высшихъ учебныхъ заведеній!—а именно: **институты нужно открывать въ небольшихъ городахъ,** вдали отъ шума большихъ городовъ, гдѣ занятія студентовъ пойдутъ неизмѣримо успѣшнѣе.

Итакъ, институты въ 500 человѣкъ нужно учреждать въ небольшихъ городахъ и не болѣе 2 институтовъ въ одномъ городѣ, если практика покажетъ примѣнимость этого условія.

По окончаніи института молодые люди пріобрѣтаютъ званіе кандидата соотвѣтствующихъ наукъ; но это званіе никакихъ еще правъ въ государствѣ имъ не даетъ, кромѣ права пріобрѣтать высшія ученыя степени въ университетѣ и права на извѣстныя льготы по отбыванію воинской повинности. Если же кандидаты институтовъ желаютъ пріобрѣсти въ государствѣ право пользоваться своими знаніями, въ качествѣ спеціалистовъ по извѣстнымъ отраслямъ государственной дѣятельности, то они должны еще подвергнуться **практическимъ** государственнымъ экзаменамъ въ особыхъ комиссіяхъ при соотвѣтствующихъ вѣдомствахъ.

Тогда какъ **всѣ** существующіе и вновь открываемые **институты,** въ цѣляхъ объединенія преподаванія, **должны быть обязательно сосредоточены въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія, государственныя экзаменаціонныя комиссіи должны каждая находиться въ томъ вѣдомствѣ, въ томъ министерствѣ, права на службу въ которомъ экзаменующійся желаетъ пріобрѣсти.** Поэтому, окончившій богословскій институтъ долженъ подвергнуться государственному испытанію въ комиссіи духовнаго вѣдомства, юристъ—въ комиссіи при ближайшей судебной палатѣ вѣдомства министерства юстиціи, медикъ—въ медицинской комиссіи вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ и т. д. Только лица историко-филологическаго и физико-математическаго институтовъ, желающія пріобрѣсти право преподавать соотвѣтствующіе предметы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, должны подвергаться государственному испытанію въ особыхъ педагогическихъ комиссіяхъ, состоящихъ при педагогическихъ институтахъ вѣдомства того же министерства народнаго просвѣщенія.

Въ члены государственныхъ комиссій **не могутъ быть назначаемы профессора и преподаватели соотвѣтствующихъ институтовъ,** за исключеніемъ профессоровъ и преподавателей педагогическихъ институтовъ, а исключительно люди, извѣстные данному министерству какъ свѣ-

дующіе, практически знакомые съ дѣломъ и прослужившіе въ министерствѣ не менѣе 10 лѣтъ.

Всѣ факультеты нынѣ существующихъ университетовъ переименовываются въ соотвѣтствующіе институты, и такимъ образомъ учреждаются: 1) институтъ историко-филологическій съ двумя отдѣленіями: словеснымъ и филологическимъ; 2) институтъ физико-математическій съ двумя отдѣленіями: математическимъ и естественнымъ; 3) институтъ юридическій съ двумя отдѣленіями: юридическимъ и административнымъ; 4) институтъ медико-хирургическій; 5) институтъ восточныхъ языковъ.

Далѣе, слѣдующія высшія учебныя заведенія изъ соотвѣтствующихъ министерствъ: духовныя академіи — изъ духовнаго вѣдомства, (богословскіе институты), военно-медицинская академія *)—изъ военнаго министерства, институтъ путей сообщенія—изъ министерства путей

*) Нужно выдѣлить изъ нея медико-хирургическій институтъ, передавъ его въ министерство народнаго просвѣщенія, и образовать въ военномъ министерствѣ настоящую военно-медицинскую академію, съ двухлѣтнимъ курсомъ, но безъ акушерства, гинекологіи, дѣтскихъ болѣзней, безъ особаго курса нервныхъ и душевныхъ болѣзней и безъ общеобразовательнаго медицинскаго курса, потому что въ эту академію будутъ приниматься лица, окончившія медико-хирургическіе институты и, слѣдовательно, уже достаточно знакомыя со всѣми этими болѣзнями, и желающія посвятить себя исключительно дѣлу военной медицины.

сообщенія, политехникумы: с.-петербургскій, харьковскій, кіевскій, варшавскій и проч.,—изъ министерствъ: финансовъ, лѣсного, земледѣльческаго, горный институтъ—изъ бывшаго министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и т. д., со всѣмъ ихъ имуществомъ и бюджетами, передаются въ министерство народнаго просвѣщенія, подъ названіемъ соотвѣтствующихъ институтовъ. Оканчивающіе привилегированныя заведенія: Александровскій лицей и школу правовѣдѣнія, равно какъ и лицей Цесаревича Николая, для пріобрѣтенія правъ въ государствѣ, подвергаются тѣмъ же общегосударственнымъ, правительственнымъ экзаменаціоннымъ комиссіямъ.

Говорятъ, что такая система народнаго образованія неосуществима, потому что она потребуетъ колоссальныхъ средствъ. А если бы и такъ! Нужно ссылаться не на кажущуюся дороговизну предлагаемой системы, а на ея непригодность! Пятнадцать лѣтъ я надъ нею думаю, и ничего болѣе правильнаго, лучшаго для нашей обширной, но пока бѣдной и малообразованной страны, придумать не могу! Разныя системы образованія, примѣненныя въ другихъ, болѣе культурныхъ странахъ, къ намъ непри-

мѣнимы. Что наша страна природою богата, но заселена народомъ, хотя и способнымъ, но малообразованнымъ,—это также безспорно, и крайне больно видѣть, какъ разные иностранные промышленники, пріѣзжая съ капиталами, разрываютъ наши нѣдра, пользуются наземными богатствами, богатѣютъ и уѣзжаютъ, а мы, по своей некультурности, неумѣлости ни за что взяться, уподобляемся той собакѣ, которая лежитъ на сѣнѣ, и даже въ послѣднее время огрызаться не въ состояніи, не умѣетъ...

Одинъ мой пріятель говоритъ, что намъ нужно пересоздаться совершенно—также, какъ пересоздалась славянская, чешская раса, подъ вліяніемъ извѣстнаго гнета и культурнаго воздѣйствія со стороны своихъ властвующихъ сосѣдей германской расы. До тѣхъ поръ у насъ ничего путнаго не будетъ, и мы перегрыземся. Можетъ быть онъ правъ. Во всякомъ случаѣ единственно вѣрное средство къ такому пересозданію расы—это прежде всего образованіе и потомъ еще разъ образованіе... Никакая политика, внѣшняя и внутренняя, этого не замѣнитъ! Будемъ ли мы болѣе довѣрять германцамъ или, напротивъ, болѣе вѣрить французамъ и англичанамъ, будемъ ли мы держать себя на сторожѣ относительно японцевъ, турокъ (!), персовъ (!?) и т. д., но оставимъ свое внутреннее устройство въ прежнемъ видѣ,

исходъ будетъ тотъ-же. Единственная вѣрная политика—это германская, съ такою послѣдовательностью проведенная въ послѣднее время Японіей. Сперва страна устраиваеестя внутри, и когда она чувствуетъ себя достаточно сильною, такъ что, дѣйствительно, можетъ, съ сознаніемъ своей внутренней силы, воскликнуть, что она никого не боится, кромѣ Бога, она начинаетъ озираться кругомъ, и тогда союзы, политическіе и торговые, посыпяться къ ея ногамъ, какъ изъ рога изобилія. . Такъ должно и намъ поступать. Первоначально намъ нужно уйти въ себя и перестроиться, сохраняя съ сосѣдями добрососѣдскія отношенія—хотя бы даже нѣсколько теряя во внѣшнихъ отношеніяхъ, и тогда уже, когда мы себя будемъ чувствовать достаточно сильными, нашъ голосъ во внѣшней политикѣ, несмотря на всѣ существующія политическія конъюнктуры, будетъ имѣть совершенно иной вѣсъ. Не нужно увлекаться тѣмъ, что мы, по размѣрамъ, самая великая страна въ мірѣ. Теперь уже достаточно показано, что величина страны не играетъ никакой роли при опредѣленіи ея силы—нужна культура... всякая: и гражданская и военная...

Мы всѣ согласны въ томъ, что народное образованіе есть **краеугольный камень** всякаго государственнаго строительства и что безъ компетентныхъ, знающихъ дѣло исполнителей,

нельзя предпринимать никакія реформы. Слѣдовательно, если дѣйствительно нужны реформы, нужны также исполнители. Вѣдь это не тайна, что мы теперь выпускаемъ юристовъ, которые не въ состояніи составить ни одной дѣловой, даже грамотной бумаги,—медиковъ, которые не умѣютъ изслѣдовать больного, а тѣмъ болѣе раціонально лѣчить его,—педагоговъ, которые кромѣ безучастнаго, холоднаго обращенія со своими юными воспитанниками, не въ состояніи—да и не дѣлаютъ къ тому попытки!—развить въ нихъ любовь къ занятіямъ, заинтересовать ихъ и только неумѣлымъ своимъ обращеніемъ отталкиваютъ ихъ отъ школы,—различные техники, которые не только не умѣютъ взяться за дѣло, но занимаются хищеніемъ и т. д. Чему же удивляться, если наша индустрія все падаетъ и падаетъ, казенныя желѣзныя дороги работаютъ въ убытокъ, горное дѣло приходитъ въ упадокъ и переходитъ постепенно въ иностранныя руки, фабричные и торговые дома банкротятся... а тутъ же, рядомъ, иностранные и торговыя фирмы, при помощи тѣхъ же русскихъ рукъ, ведутъ свои дѣла отлично. Когда же мы наконецъ, перестанемъ учиться у иностранцевъ, несмотря на свои многочисленныя школы, и обзаведемся собственными, настоящими, а не призрачными, юристами, техниками, инженерами и т. п., которые, дѣйствительно, будутъ дѣлать дѣло, а не съѣзжаться только время отъ времени на разные смѣхотворные съѣзды?!..

Да, когда? Очевидно тогда, когда мы будемъ воспитывать и обучать свою молодежь, какъ слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ общество за границей, а не удовлетворяться только однимъ ничегонезначущимъ дипломомъ. По бюджету этого года, только на министерство народнаго просвѣщенія, помимо образовательныхъ заведеній другихъ министерствъ, ассигнуется болѣе 75 милліоновъ! Если же сложить все, что тратится Государствомъ на образованіе, то получится вѣроятно сумма не менѣе 100 милліоновъ. А за эту сумму, тратимую только на народное просвѣщеніе, а не растрачиваемую въ то же время на содержаніе разныхъ, совершенно ненужныхъ чиновниковъ, ежегодныя прибавки болѣе крупнымъ изъ нихъ, да на постройки съ разными казенными техниками, подрядчиками и другимъ кормящимся людомъ... такъ я говорю: на эту сумму можно содержать три, хорошо обставленные университета, большое число институтовъ, массу гимназій, профессіональныхъ и низшихъ школъ—особенно при пособіи мѣстнаго общества!—равно какъ и педагогическія и образовательныя учрежденія, для подготовки настоящихъ педагоговъ и народныхъ учителей!

Конечно, сразу удовлетворить пробуждающейся въ послѣднее время отъ столь продол-

жительной спячки Россіи было бы невозможно по двумъ причинамъ: въ 1-хъ, по недостатку учителей,—во 2-хъ, по недостатку средствъ. Но необходимо установить принципъ, котораго и неукоснительно держаться: лучше имѣть неученыхъ людей, нежели полуграмотныхъ интелигентовъ. Исходя изъ этого принципа, ясно, что, перестроивъ средніе и высшія школы и высшія ученыя учрежденія, мы дадимъ основательное воспитаніе и образованіе на первый разъ возможно большему числу молодежи, хотя и не всѣмъ желющаимъ; но въ этомъ упрекать себя не станемъ. Нужно только идти неукоснительно къ вышеназначенной цѣли, и, если мы не будемъ въ состояніи ее выполнить по недостатку средствъ сразу, мы не заслужимъ никакихъ упрековъ: лишь-бы цѣль и общій планъ нашихъ дѣйствій были вѣрны!

Средства министерства народнаго просвѣщенія значительно усилятся при перечисленіи всѣх ъразнообразныхъ школъ, высшихъ и среднихъ, изъ другихъ гражданскихъ министерствъ, со всѣми ассигнуемыми на оныя средствами—особенно имѣя въ виду, что въ другихъ министерствахъ учебныя заведенія въ денежномъ отношеніи гораздо лучше обставлены.

Намѣченныя денежныя вознагражденія для персонала ученыхъ и учебныхъ заведеній

министерства народнаго просвѣщенія сдѣланы сообразно научному ихъ цензу. Того-же принципа должно держаться при назначеніи вознагражденія лицамъ другихъ министерствъ. Тогда не было такихъ вопіющихъ несправедливостей въ содержаніи отдѣльныхъ лицъ и не было-бы совершенно справедливыхъ нареканій! Вмѣсто четырнадцатиранговой табели достаточно для этой цѣли ввести три степени должностей: высшія, среднія и низшія, и требовать для занятія этихъ должностей соотвѣтствующій образовательный цензъ. Это бы значительно удешевило и уровняло стоимость жизни въ Россіи, потому что ввело-бы хотя какой-нибудь сдерживающій стоимость жизни элементъ.

Предпринимая переустройство нашихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній и считая безполезнымъ доискиваться дѣйствительныхъ причинъ этого состоянія ужасающей неурядицы нашего народнаго просвѣщенія, мы должны прежде всего протянуть руку примиренія и забыть все прошлое, потому что мы знаемъ, что все это, а именно: разныя правительственныя репрессіи и разные эксцессы противоположнаго характера, были въ большинствѣ случаевъ, результатами однихъ добрыхъ желаній помочь дѣлу и вывести дѣло нашего образованія на прямую, вѣрную дорогу. Если изъ

этого ничего путнаго не выходило, виною въ томъ были наши обоюдостороннія заблужденія.

Какъ часто приходится встрѣчаться съ лицами знающими, крайне дѣльными, но которыя заражены въ такой степени микробами противодѣйствія правительственнымъ или общественнымъ мѣропріятіямъ, что, чѣмъ сильнѣе репрессія, идущая или со стороны правительства, или со стороны общества, тѣмъ сильнѣе ихъ противодѣйствіе—даже иногда вопреки здравому смыслу! Вѣдь извѣстно, что такое противодѣйствіе у насъ, въ Россіи, иногда нельзя побѣдить никакими человѣческими силами: можно только на время заставить утихнуть; но за то съ тѣмъ болѣе ожесточеннымъ взрывомъ оно проявляется впослѣдствіи! При этомъ особенно нужно имѣть въ виду нѣкоторыя особенности нашей славянской расы и прежде всего эту смѣлость дѣйствія, необузданность и громадное самомнѣніе!

Я, слѣдовательно, призываю правительственную партію и общество вспомнить, что всѣ промахи съ той и съ другой стороны суть продукты недоразумѣнія, невѣрнаго пониманія дѣла, и что неудачныя правительственныя распоряженія есть въ сущности наше общее преступленіе передъ молодежью и страною! Протянемъ же руки примиренія и забудемъвсе совершенное въ этомъ отношеніи съ одной и

съ другой стороны, въ виду краеугольной важности вопроса народнаго образованія и потрудимся вмѣстѣ надъ выработкой новой системы воспитанія и образованія нашей молодежи! Въ противномъ случаѣ великая цѣпь, которая связываетъ правительство съ обществомъ раздастся, распадется и, говоря иносказательно словами нашего народнаго поэта, „ударитъ—больно, очень больно!—однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику“...

Кіевъ, Октябрь 1910 года.